

Профессор Д. П. ОГИЦКИЙ (Москва)

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВОЙШЕЛК

(Страница из истории Православия в Литве)

Чрезвычайно любопытна личность первого православного литовского великого князя — Войшелка.

Специальных исследований о нем нет. Но на отсутствие или бедность летописных известий об этой незаурядной исторической личности едва ли можно жаловаться.

Основным источником сведений о Войшелке является Ипатьевская летопись. Свидетельства ее для нас особенно ценны, поскольку содержащая сведения о Войшелке последняя часть этой летописи, доведенная до 1292 г., имела своим автором младшего современника Войшелка. (Войшелк скончался в 1267 или 1268 г.) Советский историк В. Т. Пашуто предполагает даже, что автор этой части Ипатьевской летописи — галицко-волинский летописец — при описании литовских событий пользовался летописью литовского происхождения, которая могла быть написана (незадолго до этого) в каком-нибудь православном монастыре в Новгороде (нынешнем Новогрудке) или в его окрестностях, «может быть, даже в том (монастыре. — Д. О.), который основал Войшелк на Немане»¹. На Ипатьевскую летопись в этой работе нам чаще всего приходится ссылаться, поскольку это самый солидный, самый достоверный источник наших сведений о Войшелке. Цитаты из нее приводятся здесь по тексту списка, опубликованного во втором томе «Полного собрания русских летописей» (М., 1962). Это — древнейший из сохранившихся списков Ипатьевской летописи, сделанный в первой половине XV в. Варианты, отмечаемые нами кое-где в скобках, относятся к другим спискам той же летописи по тому же изданию.

Немалый интерес для нас представляют материалы о Войшелке, содержащиеся в так называемых литовско-русских летописях (литовских по гражданству их авторов, западнорусских по языку, бывшему когда-то книжным языком Литвы). Войшелку в этих литовско-русских летописях — «хрониках» уделяется не одинаковое внимание. Отделенные от событий XIII века несколькими столетиями, некоторые литовско-русские хроники не отличают древней истории Литвы от легенды. До какой степени легенда в них заслоняет собой историю, видно хотя бы из того, что среди имен, якобы относящихся к догедиминовскому периоду истории Литвы (а их легенда приводит очень

много), отсутствует имя даже такого выдающегося государственного деятеля этого периода, как Миндовг, отец Войшелка². Любопытно, однако, что имя Войшелка можно встретить даже и в хрониках, ничего не знающих о Миндовге. Войшелк — это единственная историческая личность, которую эти хроники пробуют поставить в связь с легендарной княжеской династией мифического Палемона. Доведя родословную этой династии до последнего ее представителя, некоего Ринкголта, который «умре без плоду», хронисты делают такую приписку: «А инын поведает, рекучи: и тот Ринкголт... был у Новгородцы, и уродил трех сынов, и зоставил по себе на великом княжестве Новгородском Воишвилка, и сам умре. Ино дален о том Воишвилке и не пишет»³. В этой приписке история пробивается сквозь дебри легенды: Войшвилк (форма имени наиболее близкая к оригинальной, литовской), имеющий двух братьев и княжащий в Новгороде — это уже кое-что из истории.

Разумеется, отнюдь не все литовско-русские летописи, когда дело касается событий, близких к временам Миндовга и Войшелка, располагают только легендарными материалами. Среди летописей, содержащих относительно обстоятельные и относительно достоверные данные о Войшелке и его отце Миндовге, заслуживает упоминания хроника Быховца, названная так по фамилии помещика, в библиотеке которого была обнаружена рукопись. Составление хроники относят к середине XVI в. По мнению исследователя хроники Быховца — Н. Н. Улащика, текст хроники дает основание считать автора ее православным жителем Новогрудчины или Случчины и видеть в нем выразителя взглядов, благоприятных Литве и ее аристократии⁴. Список Быховца относится к началу XVII в. Он представляет собой польскую транскрипцию (не перевод!) оригинального текста, писанного кириллицей. Сама рукопись Быховца утрачена. Сейчас мы располагаем лишь печатным изданием ее, сделанным в свое время польским историком Литвы Теодором Нарбуттом⁵. В описании событий, связанных с именем Войшелка, хроника Быховца следует Ипатьевской летописи, повторяя сплошь и рядом текст ее дословно. Вот как это выглядит:

Ипатьевская летопись:

Бяше же у него сын Воишелк же и дъчи. Дщерь же отда за Шварна за Даниловича до Холма. Воишелк же нача княжити в Новъгородѣ, в поганстве буда, и нача проливати крови много. Убивашеть бо на всяк день по три, по четири. Которого же дни не убьешеть кого, печаловашеть тогда; коли же убьешеть кого, тогда весел бяшеть. Посем же вниде страх Божии во сердце его...⁶.

Хроника Быховца:

Biasze że w neho syn Woyszcelk że y dszczy. Dszczcr ze odda za Szwarna za Daniłowicza do Cholma. Woyszcelk że naczal kniażyty w Nowhorodecy, w pochanstwie budia, y naczal proliwaty krwi inoho (sic). Ubiwaszet bo na wsiak den po try i po czotyry. Kotoroho z dni ne ubijet koho. piczelowaszet bo tohda; koho że li ubijet kohda, tohda wesel byst. Po sem że wnide strach Bozyj w serce jeho...⁷.

В историю о Войшелке хроника Быховца не вносит, по сути дела, почти ничего нового сравнительно с тем, что имеется в Ипатьевской летописи. Да и материалами Ипатьевской летописи, касающимися Войшелка, она пользуется не всегда умело.

Весьма любопытные литовские сведения о Войшелке, о его вступлении на престол и княжении, выполняющие данные Ипатьевской летописи и хроники Быховца, отражены в летописном памятнике,

озаглавленном «Кройника Литовская и Жмойтская». Составленная в XVII или в конце XVI в., «Кройника» дошла до нас в нескольких списках XVIII в.⁸ Она является одним из компонентов большого летописного сборника, озаглавленного «Летопис, то есть кройника великая з розных многих кройникаров диалектом руским написана». Сборник этот, насчитывающий свыше тысячи страниц, дошел до нас в нескольких списках XVIII ст. О вероисповедной принадлежности составителя «Кройники великой» достаточно определенно говорит содержащееся на ее страницах решительное осуждение унии⁹. Что касается автора «Кройники Литовской и Жмойтской», то у него, так же как в хронике Быховца, православие сочетается с литовским патриотизмом. Войшелку «Кройника» отводит не меньше места, чем Миндовгу, несмотря на то, что Войшелк был великим князем Литвы всего три года, а Миндовг — более двадцати пяти лет.

Составитель «Кройники Литовской и Жмойтской» использовал различные материалы и народные предания¹⁰. Особенно много заимствовал он из «Хроники Польской, Литовской, Жмодской и всея Руси» Мацея (Матфия) Стрыйковского (1547—1586). Написанная на польском языке, хроника М. Стрыйковского была издана им в Королевце (нынешнем Калининграде) в 1582 г.¹¹ Из приводимого ниже примера (параллельных текстов, относящихся к истории Войшелка) легко видеть, в какой большой зависимости от этой польской хроники находится зачастую не только содержание «Кройники Литовской и Жмойтской», но и сам «русский» язык ее.

Хроника М. Стрыйковского особо ценна для нас тем, что автор ее имел перед собой и использовал полученную им от князей Заславских одну из древнейших литовско-русских летописей, не сохранившуюся до нашего времени. Он называет ее «древним летописцем литовским» (*latopisiec starodawny litewski*) и на нее ссылается в своем повествовании о Миндовге и потом в повествовании о Войшелке¹². Римско-католический каноник, М. Стрыйковский явно не расположен к Войшелку. Это видно, например, из невыгодного для Войшелка сравнения его с польским королем Казимиром I, который в юности (до женитьбы) тоже был монахом, но якобы более благочестивым (менее склонным к кровопролитию), чем Войшелк¹³. И все же именно М. Стрыйковскому мы обязаны рядом ценных сведений о Войшелке, о той популярности, которой он пользовался у литовцев, о восторженных проявлениях их привязанности к своему сородичу и даже о его благочестии. Едва ли можно сомневаться в том, что все это Стрыйковский передает со слов упомянутой выше, не сохранившейся до нашего времени, литовско-русской летописи, рукопись которой уже в его время, в XVI в., выглядела «стародавней»¹⁴.

Сведения о Войшелке, имеющиеся у предшественников и современников М. Стрыйковского — польских историков: Яна Длугоша (1415—1480) и зависящих от последнего — Мацея Меховиты (1457—1523) и Мартина Кромера (1512—1589), а также у Мартина Бельского (1496—1575), не отличаются ни точностью, ни обстоятельностью.

Заслуживающие внимания, хотя и очень скудные, сведения о княжении «сына Миндовга» (по имени он не назван), его отношении к Ордену, имеются в немецкой «Рифмованной хронике» конца XIII в.¹⁵.

Таковы главные источники наших сведений о первом православном литовском великом князе.

Войшелк (Войшвилк, Воишелг, по-литовски *Vaišvilkas, Vaišelga*) был сыном Миндовга, правившего в Литве с 30-х годов XIII в. по 1263 г. Согласно генеалогической таблице Т. Нарбутта, основанной, по его словам, на фрагментах рукописи Августа Ротунда (виленского историка Литвы XVI в.), Войшелк родился в 1223 г.¹⁶ Трудно, конечно, ручаться за достоверность этого, едва ли не единственного, прямого указания на год рождения Войшелка, но выглядит оно, надо сказать, довольно правдоподобно. Еще более правдоподобны сообщения литовских хроник о том, что Войшелк был старшим сыном Миндовга¹⁷. Приняв вместе со своей женой Мартой католичество, Миндовг в 1253 г. был коронован. В связи с последним обстоятельством хроник не без основания называют его сына Войшелка «королевичем»¹⁸. Но мы не знаем, была ли Марта его матерью. Скорее, нет. Кроме Войшелка, у Миндовга было еще два сына — Рукль и Репекей¹⁹ (по Нарбутту, *Ruklis i Repikas*) и дочь. Т. Нарбутт считает, что Войшелк, значительно старший своих братьев, происходил не от одной с ними матери²⁰.

В Ипатьевской летописи история Войшелка (и его отца Миндовга) изложена не связанными органически «кусками», заимствованными из разных (по меньшей мере из двух) источников, и потому строгая последовательность событий здесь не соблюдена. Вот в каком порядке эти события излагаются в летописи (в скобках — ссылки на 2-й том ПСРЛ):

1) Сын Миндовга, очевидно, Войшелк, сражается с галичанами в окрестностях Турийска (стб. 819).

2) Войшелк заключает мир с Даниилом Галицким и выдает свою сестру замуж за Шварна Даниловича (стб. 830).

3) Войшелк оставляет свое княжение. Идет в Холм к Даниилу. Принимает монашество. Отдает Новгородок, Слоним и Волковыск Роману Даниловичу (стб. 830—831).

4) Войшелк отправляется на Святую Гору, но, не дойдя, возвращается (стб. 831).

5) Во время татарских нашествий взаимоотношения между Галицкой Русью и Литвой резко ухудшаются (стб. 839—847).

6) Даниил идет на Волковыск «ловя яти ворога своего Вышелка» (стб. 847).

7) Миндовга, возгордившегося своим положением, убивают его противники (стб. 858).

8) Войшелк начинает княжить в Новгороде, будучи язычником (стб. 858).

9) В Войшелке происходит внутренняя перемена, он принимает крещение (стб. 858).

10) Войшелк идет в Галич к Даниилу и Васильку с намерением принять монашество (стб. 859).

11) Войшелк «крестит» Юрия Львовича (там же).

12) Войшелк постригается в монастыре в Полонине у известного своим благочестием инока Григория и живет там три года (там же).

13) Войшелк отправляется на Святую Гору, но, не дойдя, возвращается в Новгороде (там же).

14) Войшелк основывает монастырь на Немане и живет в нем (там же).

15) Миндовг укоряет его за монашеский образ жизни (там же).

16) Князь Довмонт и племянник Миндовга Тренята убивают Миндовга и двух его сыновей Рукля и Репекея (стб. 860).

17) Войшелк, боясь той же участи, бежит в Пинск (там же).

18) В Литве княжит Тренята (там же).

19) Приближенные покойного Миндовга убивают Треняту (стб. 861).

20) Войшелк возвращается в Новогородок и оттуда вместе с пинянами идет в Литву, которая принимает его с радостью (там же).

21) Войшелк становится князем всей Литвы (там же).

22) Войшелк расправляется со своими врагами (там же).

23) Дружба Войшелка с галицкими князьями Шварном и Василько (стб. 862—863).

24) Совместно с Шварном и Василько Войшелк делает набег на Польшу (стб. 864—867).

25) Войшелк отдает княжение свое Шварну (стб. 867).

26) Войшелк возвращается в монашество и поселяется в Угровске, в монастыре святого Даниила (там же).

27) Здесь его навещает прежний его духовный руководитель — Григорий Полоцкий (стб. 867—868).

28) Лев Данилович заманивает Войшелка во Владимир и там убивает (стб. 868).

29) После кратковременного правления Шварна в Литве княжит Тройден (стб. 869).

Очевидна необходимость разобраться в последовательности этих событий. Сам автор летописи замечает: «Хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в предняя, овогда же воступати в задняя, чытый мудрый разумьеть» (стб. 820). Перечисленные эпизоды с 8-го по 29-й расположены в летописи, несомненно, в том порядке, в каком они происходили. Что же касается эпизодов, поставленных там на первом месте, то их действительно место в цепи событий должно устанавливаться с учетом того, что эпизод 3-й в общем соответствует эпизодам 10-му и 12-му; 4-й тождествен 13-му, а 7-й—16-му. Неясным остается вопрос о месте эпизодов 1-го, 2-го, 5-го и 6-го в этом перечне, а также их хронология. (В оригинале той части Ипатьевской летописи, которая нас сейчас интересует, не было разбивки по годам.)

Учитывая установленные историками хронологические данные, относящиеся к истории Литвы, мы должны эпизод 8-й (начало княжения Войшелка в Новогородке) отнести к 40-м годам XIII в., когда Черная Русь вместе с ее главным городом Новогородком была подчинена Миндовгом Литве.

Сражение в окрестностях Турийска (эпизод 1-й) и предложение мира «о сватстве» (имеющее прямое отношение к эпизоду 2-му) — события, хронологически тесно связанные (в летописи они объединены словами «того же лета»), — имели место, по-видимому, в начале 50-х годов. В. Т. Пашуто считает, что мир был заключен около 1253 г.²¹ Главное участие в заключении этого договора, скрепленного браком сына Даниила Шварна с дочерью Миндовга, принимал Войшелк. «Потом же, — читаем в Ипатьевской летописи, — Войшелк створи мир с Данилом и выда дщерь Миндовгову за Шварна сестру свою»²². Здесь в летописи впервые имя Войшелка поставлено рядом с именем Шварна. Неразрывная дружба соединяла этих двух кня-

зей — литовца и русина, несмотря на все превратности судьбы, всю их дальнейшую жизнь.

События под №№ 5 и 6 относятся к концу 50-х — началу 60-х годов XIII века.

Что касается крещения Войшелка, то прямого указания на время этого события в Ипатьевской летописи нет. Зато есть прямое указание на место крещения: «крестися ту в Новѣгородѣ»²³. Напрашивается вывод, что это произошло во время княжения Войшелка в этом городе. Этот вывод косвенно подтверждается и контекстом Ипатьевской летописи. Началось новгородокское княжение Войшелка, разумеется, после присоединения Новгорода к Литве, т. е. никак не раньше 1240 г., а оставлено было задолго до смерти Миндовга, которая последовала в 1263 г. Как в этих, очень широких, крайних пределах фиксировать год крещения? Т. Нарбутт относит «русское» крещение Войшелка ко времени между 1252 и 1255 гг.²⁴ Но ему же известен труд по генеалогии литовских князей Августа Ротунда, согласно которому Войшелк еще в 1246 г. принял монашеский постриг²⁵. Должно быть решительно отвергнуто приведенное в сочинении Ю. Ярошевича мнение, что Войшелк принял крещение около 1262 г., незадолго до смерти Миндовга²⁶. В узкий отрезок времени — 1262—1263 гг. — никак не укладываются засвидетельствованные Ипатьевской летописью события, имевшие место после крещения Войшелка до смерти его отца: оставление Войшелком Новгорода и переезд в Галицкую Русь, принятие там монашества, передача Новгородковского княжения Роману Даниловичу, трехлетнее пребывание новопостриженного в Полонинском монастыре, неудавшаяся поездка на Святую Гору, возвращение с полпути (из Болгарии), построенные монастыря на Немане, жизнь в этом монастыре, размолвки с отцом из-за этого. Все это с трудом укладывается даже в промежуток четырех-пяти лет. Можно думать, что, заключая мир с Даниилом около 1253 г. (о чем речь была выше) и выдавая свою сестру замуж за Шварна, Войшелк уже был православным. Во всяком случае, в Ипатьевской летописи вслед за сообщением об этом мире идет речь о пострижении Войшелка в монахи, а не о его крещении, чего следовало бы ожидать, если бы Войшелк тогда еще не был крещеным.

Про обстоятельства обращения Войшелка мы знаем очень мало. В Новгороде он начал княжить, будучи еще язычником. Изобразив его в этот период его жизни человеком примитивным и жестоким, находившим удовольствие в убийствах, летопись продолжает: «Посем же вниде страх Божий во сердце его, помысли в собѣ хотя прияти святое крещение и крестися ту в Новѣгородѣ и нача быти во крѣстьянстве (в христианстве)»²⁷. Черная Русь, как и вся Русь, была тогда православной. Литовский княжич, занявший престол в только что присоединенном к Литве Новгороде, был со всех сторон окружен православной средой. Сама обстановка подсказывала ему то решение, которое он и принял. Было бы, однако, неоправданно упрощенным объяснение этого решения как чисто конъюнктурное, политическое. Все дальнейшее поведение Войшелка говорит о том, что православное христианство было принято им по внутреннему влечению. При всей своей первобытности Войшелк предстает пред нами как натура цельная, глубокая и по-своему сложная. Из всего видно, что его поступками руководило нечто более высокое, чем стремление

во что бы то ни стало укрепить свою власть в оккупированной стране.

Но прежде чем говорить об этом, надо остановиться на версии некоторых польских источников относительно обстоятельств крещения Войшелка, идущей вразрез с тем, что было сказано выше.

Вот что — со ссылкой на древнюю литовскую летопись — говорит о крещении Войшелка в своей хронике «жмодский каноник» М. Стрыйковский: «Поскольку Миндовг, король литовский, оставил принятую недавно христианскую веру и вернулся к прежней языческой, не мог этого заблуждения стерпеть его сын Войшелк, но, видя нестойкость отца своего в римской вере, поехал в Галич ко двору русского короля Даниила и его брата Василька, которые в то время были главными врагами его отца Миндовга в споре об общих границах. Там потом Войшелк Миндовгович, королевич литовский, уразумев тщету мира сего и непрочную славу его, вновь крестился из римской веры в русскую и потом принял монашество»²⁸. Если верить этой версии, Войшелк обратился в Православие не из язычества, а из римского католицизма. Заметим, что выше у М. Стрыйковского не было никакого упоминания о римско-католическом крещении Войшелка. В приведенной выдержке из хроники М. Стрыйковского не может не обратить на себя внимание в высшей степени странное объяснение мотивов перехода Войшелка в Православие. Негодуя на отца за измену римской вере, Войшелк реагирует на это тем, что сам изменяет этой вере. Мог ли литовский летописец, на которого ссылается М. Стрыйковский, так нелогично объяснять поступок Войшелка? «Кройника Литовская и Жмойтская», часто следующая за хроникой М. Стрыйковского дословно, в этом месте делает от нее существенное отступление, исключая из текста все, что говорило бы в пользу версии М. Стрыйковского. Негодование здесь приписывается не Войшелку, а «розным станам», причем негодуют они на Миндовга не за отступление от христианства, а, наоборот, за принятие его²⁹. Возникает естественный вопрос: не исказил ли М. Стрыйковский летописное известие включением в него своей собственной догадки относительно римско-католического крещения Войшелка? С этой догадкой мы имеем основание не соглашаться, но ей-то в логике как раз отказать нельзя. Основанием на этом моменте.

Захват Миндовгом Черной Руси (Новгородок, Гродно, Лида, Волковыск, Слоним, Здитов) вооружил против него князей соседней, «Червонной» (Галицкой) Руси, побуждая их к нападениям на владения Миндовга. Положение стало для него особо опасным, когда против него ополчились чуть не все соседи: и Галич, и жемайтские князья, и папистический Тевтонско-Ливонский орден, и Рижское государство, управлявшееся римско-католическим архиепископом. Единоверные с Орденom и Ригой Польша и другие западные государства не могли не сочувствовать всякому предприятию, направленному против языческой Литвы. Пред лицом этой угрозы Миндовг решает на крайний шаг — принимает, вместе со своей женой, римско-католическое крещение (1251 г.) и королевскую корону от папы (1253 г.). Начавшаяся католицизация Литвы, казалось бы, никак не могла обойти старшего сына Миндовга, наследника его престола. В пользу этого говорил бы и тот факт, что папа Александр IV, идя навстречу просьбе Миндовга, особым посланием разрешал ему пригласить какого-либо «латинского епископа, состоящего в мире и общении с апостольским престолом».

дабы тот короновал (не названного в послании по имени) сына Миндовга «королем Литвы»³⁰. Послание датировано вторыми мартовскими днями первого года понтификата Александра IV, что соответствует 1255 г. Когда это писалось, живы были все три сына Миндовга, и Миндовг мог любого из них предложить себе в преемники. Так что послание папы не может служить неоспоримым доказательством того, что Войшелк был в это время и вообще когда-либо католиком. У самого Миндовга не могло быть большого желания навязывать Войшелку римский католицизм. Сам он принял его не по убеждению, а из-за исключительно неблагоприятной для Литвы политической обстановки. «Крещение же его лъстиво бысть», — читаем в Ипатьевской летописи³¹. Миндовг только и ждал момента, чтобы порвать с ненавистным Орде-ном. О том, что разрыв с Орденом повлек впоследствии у Миндовга отпадение от римско-католического исповедания, можно заключить на основании послания папы Иоанна XXII Гедимину³². Католицизация Литвы при Миндовге подвигалась медленно, не захватывая совсем ни соседней, оппозиционно настроенной Жемайтии, ни Черной Руси, где правил в это время, как утверждает В. Т. Пашуто, православный Войшелк³³. Все, что мы знаем о рано проявившихся восточных симпатиях Войшелка, о его большой независимости в принятии решений, определявших его жизненный путь, заставляет нас думать, что Миндовг, если бы и хотел, едва ли смог бы принудить Войшелка принять римский католицизм. Нельзя не учесть также и того обстоятельства, что православие Войшелка в какой-то мере было даже на руку Миндовгу. Оно было важным фактором в укреплении положения представителя его власти в Черной Руси и в налаживании отношений с Галицкой Русью. Навязывать Войшелку роль католического миссионера в Черной Руси, т. е. ту роль, которую, вынужденный обстоятельствами, сам Миндовг принял на себя в Литве, было бы совершенно неразумно. Это значило бы восстановить против Войшелка, а следовательно, и против себя, и недавно присоединенную Черную Русь, и Галицко-Волынское княжество, и другие русские земли. И он этой роли ему, конечно, не навязывал. Новокоронованный король-католик в Кернове и православный сын его, княжащий в Новгороде, — это было как раз то «равновесие» вероисповедных факторов, которое диктовалось потребностями момента.

Если правда, что честлюбивая Марта, жена Миндовга, была родной матерью только двух младших Миндовговичей, то и она не могла быть заинтересована в том, чтобы Войшелк принял римско-католическое исповедание, открывавшее ему доступ к королевской короне.

Дошедшие до нас русские и литовско-русские летописи ничего не знают о римско-католическом крещении Войшелка. Для русских летописцев Войшелк — это избранный Богом «поборник по правой вере», и только³⁴. Польские хронисты, предшествующие Стрыйковскому (Я. Длугош, М. Меховита, М. Кромер), знают литовского князя Войшелка тоже как «русского» (читай — «православного») монаха (*monachus Russiae, czernec ruski*) и равным образом ничего не говорят о его римско-католическом крещении³⁵.

Из более поздних польских историков Литвы о римско-католическом крещении Войшелка говорит Т. Нарбутт. Его версия крещения Войшелка еще менее правдоподобна, чем версия М. Стрыйковского, и очень неудовлетворительно обоснована. По Т. Нарбутту, вместе с Миндовгом крестились его жена и двое младших сыновей; старший

сын в этом крещении не участвовал. (Это единственное в версии Т. Нарбутта, с чем мы можем согласиться.) Находившийся в это время в Слониме Войшелк якобы там принял православное крещение «с именем Романа, или Ромуальда»³⁶. «Вернувшись к отцу, он должен был где-то до 1255 года принять исповедание латинского обряда» от польского епископа и получил при этом польское имя Войцех, «которое в русско-литовском искажении превратилось в Войшелк; ибо, не будучи католиком, — продолжает Т. Нарбутт, — он не мог бы получить от папы титула Русского короля». В подтверждение того, что Войшелк располагал таким именно титулом, Т. Нарбутт ссылается на упомянутую выше буллу папы Александра IV. Потом, согласно версии Т. Нарбутта, Войшелк отказался от этого титула и заключил мир с Даниилом, который тоже не расставался с таким титулом, полученным от папы ранее. Будучи неспособным «осчастливить своих подданных мягким управлением», продолжает свои рассуждения Т. Нарбутт, и ощущая в душе неприятный осадок (*niesniak*) от трудностей своего княжеского положения, Войшелк не пытался отвлекать себя от неприятных переживаний доступными ему развлечениями, а «стал искать утешения в религии и вернулся в лоно первоначально принятого вероисповедания»³⁷. Итак, Православие, римский католицизм и опять Православие — такова версия Т. Нарбутта.

Главный аргумент всей этой, построенной на догадках Т. Нарбутта, концепции отпадает, поскольку Войшелк никогда от папы титула русского короля не получал. Папа Александр IV, как мы видели, выражал лишь принципиальное согласие на совершение любым римско-католическим епископом — по приглашению Миндовга (*quem malueris*) — коронации не названного по имени сына Миндовга королем, и не Руси, а Литвы (*in regem Lectoviae*). Воспользоваться этим разрешением Миндовгу так и не довелось.

Одним из первых дружественных шагов Миндовга и Войшелка в отношении южного, русского соседа после заключения с ним мира была передача Войшелком Новгородокского княжения сыну Даниила Галицкого — Роману. Сообщив об этом мире и о женитьбе Шварна Даниловича на дочери Миндовга, ипатьевский летописец продолжает речь о Войшелке: «И приде Холм (вариант: в Холм) к Данилу, оставив княжение свое и воспримь мнискни чин и владь Романови сынови королеву Новгородък от Миндога и от себе и Вослоним и Волковыеск и всѣ города, а сам просия ити во Святую Гору»³⁸. Три вещи выглядят необычно в этом рассказе: 1) добровольный отказ Войшелка, королевского сына, от княжеской власти, без всякого, казалось бы, внешнего к тому побуждения, 2) передача княжения, в общем-то, не очень близкому человеку, представлявшему иной княжеский род и иную нацию, но объединенному с ним теперь единством веры, 3) быстрый переход новообращенного от традиций литовского язычества к высшей форме православного благочестия. Во всех трех фактах присутствует и является доминирующим религиозный мотив.

Остановимся на втором моменте. Несмотря на то, что дружба Литвы с Галицко-Волынским княжеством отнюдь не была чем-то устойчивым и постоянным, несмотря на недоброжелательство к самому Войшелку, проявлявшееся не раз со стороны Даниила Романовича и некоторых других галицких князей, особенно Льва Даниловича, несмотря на то, что Войшелк всегда действовал как патриот Литвы, готовый

идти на конфронтацию с теми же галицкими князьями, когда этого требовали интересы его страны, — он всегда, всю жизнь, как увидим из дальнейшего, стремился к укреплению литовско-русской дружбы, принося ей в жертву свои личные интересы. Спрашивается: ради чего, во имя каких высоких целей? Зная религиозную и политическую ориентацию Войшелка, мы имеем основание думать, что им руководила идея создания прочного Литовско-Галицкого государственного объединения в качестве мощного заслона против всех видов агрессии с Запада. Немалая роль в этих планах должна была отводиться Православию. И если это так, нельзя не признать большой политической дальновидности Миндовгова сына. Не трудно себе представить, по какому пути пошла бы дальнейшая история Литвы, Юго-Западной и Западной Руси, если бы эта идея осуществилась.

Можно думать, что не без влияния Войшелка и сам Миндовг пошел впоследствии на заключение союзного договора с Александром Невским (1262 г.). Т. Нарбутт полагает, что в сношениях с этим русским князем посредничал племянник Миндовга — Товтивил из Витебска, человек особо близкий Войшелку³⁹. Ему, по словам «Кройники Литовской и Жмойтской», Войшелк хотел отдать «все право свое прирочное, яко христианину и брату сполне веры русской»⁴⁰.

Мы уже знаем, что Войшелк породнился с галицко-русскими князьями, выдав свою сестру замуж за Шварна Даниловича. Не без значения было и то обстоятельство, что сам он вскоре после этого стал крестным отцом Данилова внука — Юрия Львовича.

Принятие Войшелком монашеского пострига на территории Галичины — еще одно свидетельство того особого тяготения к контактам с Галицкой Русью, которое руководило многими важными поступками Войшелка всю его жизнь. «И по семь иде Войшелк до Галича к Данилови князу и Василкови, хотя прияти мниский чин. Тогда же и Войшелк (вариант: тогда же Войшелк) хрести Юрья Львовича, тоже потом иде в Полонину ко Григорьеву в монастырь и пострижеся во черныцъ и бысть в монастыри у Григорья 3 лета, оттоле же поиде во Святую Гору, приемь благословение от Григория. Григорый же бяшетъ человек свят, акого же не будетъ (не бысть) перед ним и (ни) по немь не будетъ. Войшелк же не може донти до Святыя Горы (до Святыя Горы), зане мятеж бысть велик тогда в тѣх землях, и приде опять в Новъгородок»⁴¹.

Можно ли уточнить место пострижения Войшелка, иначе говоря, местоположение Полонины и Полонинского монастыря? Ясно, что монастырь этот находился на территории Галицкого княжества. Но где именно? На территории советской части Галичины (и вообще на территории всей Советской Украины) сейчас нет ни одного населенного пункта с таким или подобным названием⁴². Отроги Карпат с таким наименованием едва ли могут браться в расчет уже по одному тому, что они были за пределами Галицкого княжества. Окрестности древнего «княжьего» Галича обследованы довольно хорошо; установлено местоположение ряда существовавших здесь когда-то монастырей⁴³, но среди них нет такого, для отождествления которого с монастырем Полонинским выявились бы какие-то основания. Возможно, что монастырь этот и не находился в окрестностях Галича (хотя у Стрыйковского он называется галицким). Дело в том, что во время татарского нашествия 1241 г. и сам Галич, и окрестные монастыри были разорены

и обезлюдели. Княжий Галич так и не был восстановлен после своего разрушения в 1241 г. Столица Галицкого княжества была перенесена Данилом в Холм. Войшелк прибыл для пострижения, несомненно, уже после 1241 г., и из двух версий о цели его путешествия (Холм? Галич?), отразившихся в одной и той же Ипатьевской летописи, В. Т. Пашуто решительно отдает предпочтение первой. А если так, то искать Полонинский монастырь, может быть, следовало бы в окрестностях Холма? Не знаем. Вопрос о монастырях, существовавших в этом районе в XIII в., не исследован. Сейчас эта территория принадлежит Польше. Не могли установить, где находился Полонинский монастырь, и исследователи прошлого столетия⁴⁴.

Григорий, человек святой жизни, руководитель Войшелка в иноческом подвиге, очевидно, был настоятелем Полонинского монастыря. Стрыйковский и «Кройника» называют его архимандритом. В этом монастыре Войшелк провел три года сразу после пострижения.

Летописи не говорят, какое имя получил Войшелк при принятии христианства и какое имя ему было дано при пострижении. В литовских летописных материалах, произвольно поставленных в связь с легендарной родословной литовских князей, имеется рассказ об одном из представителей этой родословной — княжиче Римонте, во многом напоминающий историю Войшелка. Согласно этому рассказу, Римонт, сын литовского князя Тройдена, подростком был направлен отцом к галицкому князю Льву Мстиславовичу для изучения русского языка. Там он принял крещение и «русское» имя Василий, а затем и монашество с именем Лаврыш. Вернувшись в Литву, он построил себе монастырь над Неманом в окрестностях Новогородка, известный потом как «Лаврышев монастырь». Узнав о трагической гибели отца, Римонт-Лаврыш покинул свой монастырь и, «ополчившись с полки своими», разгромил войско князя-убийцы, но сам княжить в Литве не стал, а вернулся в монастырь⁴⁵. Римонт — лицо не историческое. Никогда также не существовал галицкий князь Лев Мстиславович. Но очевидное сходство этого рассказа о Римонте с тем, что мы знаем о Войшелке, заставляет нас видеть в Римонте летописного двойника Войшелка и в подробностях рассказа находить нечто, отражающее действительные факты, относящиеся к Войшелку. Поэтому у нас есть основание для предположения, что в крещении Войшелк получил имя Василий (это прямо утверждает В. Н. Татищев), а при пострижении наречен Лавром или Лаврентием.

После трехлетнего пребывания в Полонинском монастыре Войшелк, по благословению своего духовного отца, того же Григория, предпринимает паломническое путешествие на Святую Гору. Стрыйковский, основываясь, по всей вероятности, на том же «стародавнем летописце литовском», добавляет: «и в Царьград»⁴⁶. Святая Гора — это, конечно, Афон, на протяжении многих столетий главное средоточие православного монашества. Из-за трудностей пути Войшелк не достиг цели своего путешествия. Из Болгарии ему пришлось возвращаться на Русь. Но уже самый тот факт, что новообращенный литовский князь предпринял очень нелегкое по тому времени путешествие в центры православной церковной и монашеской жизни, говорит немало о его отношении к новоизбранному пути жизни.

«Войшелкъ же не може дойти до Святыи Горѣ (доити Святыя Горы), зане мятежь бысть великъ тогда в тѣх землях. И приде опять в

Новъгородок и учини собѣ монастырь на рѣцѣ на Немнѣ межи Литвою и Новымъгородьком и ту живяше. Отец же его Миндовг укаривашеться ему (укариваше его) по его житью»⁴⁷.

Можно ли уточнить местоположение этого монастыря? Общий ориентир дает нам Ипатьевская летопись: на реке Немане, в районе Новогородка, в сторону Литвы. Но она не дает нам названия монастыря, которое позволило бы нам поставить точку на карте. Это понятно. О Войшелке писал галицко-волинский летописец всего 25—30 лет после его смерти, пользуясь литовскими записями, сделанными еще раньше. К тому времени новый монастырь мог еще и не иметь широко известного названия.

Выше было высказано предположение, что рассказ о Римонте Тройденовиче, принявшем монашеский постриг с именем Лаврыша и основавшем Лаврышев монастырь, — не что иное, как отражение в легенде того, что в действительности имело место с Войшелком. Если это так, то монастырь основанный Войшелком, — это Лаврышев (Лавришев) монастырь.

Как выглядит это предположение в свете летописных и других материалов?

Литовско-русские летописи, незнакомые с Ипатьевской летописью и очень мало знающие достоверного из истории догедиминовской Литвы, почти ничего не знают о Войшелке и находятся в плену у легендарной генеалогии литовских князей. (Имеем в виду рукописи, представленные в 35-м томе «Полного собрания русских летописей».) Зато они хорошо знают о существовании на Немане Лаврышева монастыря и смутно кое-что об основании его сыном литовского князя, отказавшимся от княжения и ставшим православным монахом, а потом предпринявшим поход против убийц своего отца. Не зная решительно ничего о Миндовге, они приписывают всё это сыну князя Тройдена — Римонту из той же легендарной генеалогии.

Рукописи — Быховца, «Кройники» и хроника М. Стрыйковского — знают и легенду, и историю. Не делая никакой попытки согласовать одно с другим или исправить одно в свете другого и относясь с одинаковым доверием к тому и другому, они вслед за историей Войшелка, изложенной в соответствии с Ипатьевской летописью, помещают очень похожий на эту историю легендарный рассказ о Римонте. В результате получается, что Войшелк «збудовал» на Немане, в районе Новогородка, монастырь, не названный по имени, а Римонт в свою очередь, спустя некоторое время, то ли тоже «збудовал» (хроника Быховца) на том же Немане, в районе того же Новогородка, монастырь, известный под именем Лаврышева, то ли только «мешкал» («Кройника») в этом Лаврышевом монастыре, который в этих хрониках не идентифицируется (по крайней мере, ясно не идентифицируется) с монастырем Войшелка.

Надо заметить, что обращение литовского княжича в Православие и устроение им монастыря на Немане — это повторяющийся в литовских летописных сказаниях сюжет: то этим княжичем является сын Миндовга, то сын Тройдена, то сын Тройната (Треняты).

Нечто новое в освещение вопроса об основании Лаврышева монастыря внесла версия, представленная в одном из трудов Альберта Кояловича, пезунта, профессора Виленского университета XVII в., основанная на бывшем в его распоряжении славянском Житии пре-

подобного Елисея Лавришевского. Согласно этой версии, основателем Лаврышева монастыря был этот святой (живший в XIII в. и канонизованный при митрополите Иосифе Солтане в 1514 г.)⁴⁸. Версия эта, очевидно, шла вразрез с упомянутым рассказом о княжиче Римонте, сыне Тройдена. Не зная, как примирить одно с другим (легенда в то время еще принималась за историческую правду), кто-то еще до А. Кояловича, возможно, автор Жития, объявил самого Елисея сыном великого князя Тройдена, из чего следовало бы, что Римонт Тройденович и преподобный Елисей — одно и то же лицо. Сам А. Коялович не делает такого отождествления, да и о княжеском происхождении Елисея говорит неуверенно: «Если некоторые не ошибаются (*si non fallunt aliqui*), отцом его был литовский князь Тройден»⁴⁹. К этому надо добавить, что о Войшелке А. Кояловичу почти ничего не известно; он знает его лишь как монаха Пинского монастыря.

Решительным защитником версии об основании Лаврышева монастыря преподобным Елисеем заявил себя в XVIII в. базилианин Игнатий Стебельский. Основываясь на хронологических выкладках, он утверждает, что сын Тройдена Римонт-Лаврыш никак не мог быть основателем этого монастыря, так как в то время, когда монастырь строился (по И. Стебельскому, это происходило в 1255—1259 гг.), он был еще ребенком⁵⁰. О Войшелке И. Стебельскому известно значительно больше, чем А. Кояловичу, и он говорит о нем как о сподвижнике преподобного Елисея, построившем себе при том же монастыре дом. И. Стебельский, как видим, полемизирует, и не без основания, с теми, кто основателем Лаврышева монастыря считал княжича Римонта. Вместе с тем, признавая некоторую — правда, весьма скромную — долю участия Войшелка в устройении Лаврышева монастыря, И. Стебельский, по-видимому, хочет примирить близкую его сердцу версию об основании Лаврышева монастыря преподобным Елисеем с тем, что известно ему из Ипатьевской летописи о подобной инициативе Войшелка. Как бы то ни было, И. Стебельский устанавливает прямую связь osoby Войшелка с начальной историей Лаврышева монастыря. И если он прямо не называет Войшелка его основателем, то, можно думать, лишь из нежелания умалять значение всего того, что во славу преподобного Елисея написано было в его Житии.

Никто из вышеупомянутых литовских и польских хронистов и историков не ставит еще вопроса о том, следует ли считать Римонта историческим лицом и можно ли относиться к нему, как к персонажу, отличному от Войшелка.

К такому вопросу подходит Ю. Ярошевич. Не отвергая еще полностью легендарный литовской княжеской генеалогии, он осторожно высказывает предположение, что рассказ о Римонте — это всего лишь повторение рассказа о Войшелке с заменой одного имени другим и с изменением даты события⁵¹.

Действительно, имеются все данные того, чтобы все то, что в рассказе о Римонте можно считать отражением исторической правды, отнести к Войшелку. В самом деле, подробности рассказа о Римонте удивительно совпадают с тем, что мы знаем о Войшелке: оба они — легендарный Римонт и исторический Войшелк — дети литовского князя, оба находятся в тесном контакте с Галицкой и галицким князем, оба принимают «русскую» веру и постригаются в монахи, оба строят монастырь на Немане, в районе Новогородка, оба, узнав о насильственной

смерти отца, оставляют монастырь, отправляются в Литву, чинят там расправу над врагами, но не пользуются возможностью сохранить за собой власть и возвращаются к монашеской жизни. Не ясно ли, что в обоих рассказах речь идет об одном и том же лице, об одних и тех же событиях. Очевидно, в памяти тех, кто приписал все это легендарному Римонту, сохранилось немало из того, что было в действительности; забыто было лишь имя того, к кому это все следует отнести.

Все вышеизложенное дает нам основание думать, что Лаврышев монастырь, якобы основанный Римонтом-Лаврышем, и есть тот самый монастырь, который основал Войшелк, в монашестве Лаврыш (Лавр или Лаврентий).

Число монахов в нем при жизни Войшелка М. Стрыйковский определяет словом *kilkanaście* — между десятью и двадцатью⁵². Был ли Войшелк игуменом монастыря? По-видимому, нет. По И. Стебельскому, как мы видели, настоятелем Лаврышевского монастыря во время пребывания там Войшелка был преподобный Елисей. Священного сана Войшелк, по-видимому, тоже не имел.

Лаврышев монастырь в течение нескольких столетий играл заметную роль в жизни Православной Церкви на западнорусских землях. Потом пришел в упадок. При А. Кояловиче (1650 г.) от него оставалась лишь одна церковь, расположенная у села и находившаяся в ведении униатского монастыря в Новогородке⁵³. Древнейшее название монастыря, засвидетельствованное документами, — «Лаврошев» или «Лаврашев»⁵⁴.

Ныне действующая деревянная церковь села Лаврушево (Новогрудский район Гродненской области) построена в 1775 году. До 1836 года она считалась монастырской, теперь является приходской. Церковь эта и село Лаврушево расположены на левом берегу Немана. Древний Лаврышев монастырь, по преданию, находился на его правом берегу. Однако обнаружить там какие-либо следы существования древнего монастыря пока не удалось. Перед первой мировой войной была предпринята попытка восстановить монастырь на правом берегу Немана. В 1913 году епископом Минским и Туровским Митрофаном была здесь освящена небольшая деревянная церковь⁵⁵. Она сгорела во время военных действий. Сейчас это место покрыто молодым сосновым лесом. В густых зарослях его при помощи местных жителей можно отыскать куст сирени, посаженный чьей-то благочестивой рукой на том месте, где находился престол последнего храма. Нет никаких доказательств того, что древний Лаврышев монастырь находился точно в этом месте, но, надо думать, он был недалеко отсюда. От древнего Новогородка (нынешнего Новогрудка) это, правда, не к северу, т. е. не прямо в направлении к Литве, как мы были вправе ожидать, основываясь на данных Ипатьевской летописи, а к северо-востоку, в направлении к тогдашнему Минскому княжеству. Не исключено, что в указании Ипатьевской летописи («на рѣцѣ на Немнѣ межи Литвою и Новымъгородъком») имеется небольшая географическая неточность. Впрочем, мы не знаем, где находились тогда переправы через Неман и как пролегали пути. Как бы то ни было, в районе Новогрудка неизвестно никакого другого места на Немане, с которым предание связывало бы существование древнего монастыря.

Возвращение Войшелка из Галичины в пределы Новогородковского княжества может говорить о том, что и после принятия монашества

Войшелку продолжали быть близкими судьбы родной земли. Из дальнейшего мы увидим, какое влияние на эти судьбы стремился оказывать и оказывал в меру своих сил и возможностей этот православный монах, всю жизнь стремившийся к сближению Литвы с Русью. Не все шло в соответствии с его планами. Очень быть может, что сменить монастырь старца Григория в Полонине на новую обитель на берегах Немана побудило Войшелка очередное ухудшение взаимоотношений между Галицкой Русью и Литвой. Из летописей известно о кровопролитном столкновении между литовцами и галичанами во время совместного похода на татар под Возвягль⁵⁶. Взаимоотношения стали еще хуже во время нашествия на Литву Бурундя (1258—1259), когда галицкие князья, попавшие в зависимость от татар, вынуждены были принимать с ними участие в военных действиях против своего недавнего союзника. В это время прекратилось княжение Романа Даниловича в Новгороде. Произошло это не без участия Войшелка и его двоюродного брата Товтивила⁵⁷. Отношение Даниила Романовича Галицкого к этим двум литовским князьям стало непримиримо враждебным.

В 1263 г. после убийства Миндовга литовский великокняжеский престол захватывает один из заговорщиков-убийц — племянник Миндовга Тренята (Treniota, иначе — Тройнат). Вместе с Миндовгом были убиты находившиеся тогда при нем два его младших сына — Рукль и Репей. Боясь той же участи, Войшелк бежит в Пинск (не подвластный еще Литве) и живет в тамошнем монастыре. «По Миндовгове же убиты Войшелк убоявсья того же и бѣжа до Пиньска и ту живящеть, а Тренята нача княжити во всей землѣ Литовьской и Жемоти»⁵⁸. Тренята сумел расправиться и с Товтивилом, другом Войшелка. Но сам он не на много пережил убитых им князей, своих родичей. Тренята убили сторонники Миндовга, по Ипатьевской летописи, его «конюси... 4 паробци». По М. Стрыйковскому, совершившие это убийство бежали к Войшелку в Пинск⁵⁹.

Сложилось положение, при котором бразды правления в Литве пришлось взять в руки самому Войшелку. «Се же услышав Войшелк поиде с пиняны к Новугороду и оттолѣ поя с собою новгородцѣ и поиде в Литву княжить. Литва же вся приша и с радостью (с радостью великою) своего господичича»⁶⁰. «Кройника Литовская и Жмойтская» и М. Стрыйковский рассказывают об этом с большими подробностями.

Согласно их рассказу, инициатива приглашения Войшелка на великое княжение принадлежала панам, представлявшим коренную Литву. В отдельных местах этого рассказа наблюдается большая текстуальная зависимость «Кройники Литовской и Жмойтской» от хроники М. Стрыйковского. Для иллюстрации приводим здесь текст хроники Стрыйковского в подлиннике.

М. Стрыйковский

Obaczyli się panowie, w których należał porządek i zachowanie rzeczypospolitej, iż bez jednego pewnego wodza i zwierzchniego sprawcy tak szerokie państwo, Krzyżakami Pruskimi i Liſlandskimi, głównymi nieprzyjaciół, także Rusią ogrodzone, nie mogło się wcale osiedzić. Przeto zaraz usmierzywszy i zgasiwszy spólne między sobą niesnaszki, zjechali się

Кройника Литовская и Жмойтская

Обачилися панове, в которых належал порядок и заховане речи посполитой, пж без певного едного вожа и зверхнийшого справцы так широкие панства крижаком пруским и лифлятским, неприятелем головным, также Русью огороженою, не могли в цѣлости осѣдѣтися, для того зараз, згасивши межи собою неспаски всѣ, пазна-

do Kiernowa, gdzie wszyscy jednoscie tajnie okolo wybrania i podniesienia na Wielkie Xięstwo Wojcielka cernca, syna Mendogowego, który na ten czas po zabitym ojcu w Pińskim monasterze mieszkał, radzili⁶¹.

чивши час, зѣхалися до Тарнова (sic) и радили о избраню пана и князя собѣ. А так радили Войселка черица, сына Мендогова, который на той час мешкал в Пинску в монастыру, поднести на панство⁶².

Решение, однако, было принято не сразу. Недружественные в прошлом Миндовгу жемайты и ятвяги имели основание опасаться его сына — Войшелка. Представители русских земель — «полочане, новгороджане, городняне, подляшане и мозыране» — хотели бы видеть на литовском престоле кого-либо из галицко-русских князей — детей Даниила или его «сестренца» Шварна, который с покойным Миндовгом имел «великое приятельство». Но литовские паны «на то и слова не дали мовити, боронячи в том и перестерегаючи волности своєї и всего народу своего литовского, мовили, же лѣпше Войселка, сына Мендогова, яко власного (собственного) дѣдича (наследственного владельца), з монастыря Пинского на князство взяти, а если бы не хотѣл, то гвалтом (силой) взяти его и на Великое князство Литовское отчизное поднести»⁶³. У М. Стрыйковского высказывания по этому предмету представителей коренной Литвы даются в более полном, проникнутом чувством литовской национальной гордости, изложении. (Не забудем, что за М. Стрыйковским стоит «стародавний летописец литовский».) В результате снаряжается посольство «зацных и великих панов» в Пинск. Войшелк отказывается, ссылаясь на свое монашеское звание. Литовские паны высылают в Пинск новое посольство, и Войшелк уступает. «И так великими прозбамі от подданных будучи змякчоним, выѣхал з монастыря Пинского до Новгородка, а потом з новгороджаны в княжом почте (свите) до Кернова, где его вси панове, бояре и все посполство з великим веселем и радостію, «ладо», «ладо» зываючи, вдячне (благодарно) его приняли и на столицы Великого князства Литовского, Жомойтского, Новгородского, Полоцкого и Курляндского посадили з звыклыми (обычными) церемоніями и з мечем, в шатѣ (одеянии) и шапцѣ княжой поднесли, вѣншуючи и зычачи (желая) ему щасливого панованя в долгие веки»⁶⁴.

Нельзя, конечно, поручиться за то, что вышеприведенный красочный рассказ с фотографической точностью передает все обстоятельства, связанные с началом великого княжения Войшелка, но он представляет несомненную ценность как свидетельство большой симпатии, коей был окружен образ Войшелка в преданиях литовского народа. О радостном приеме, оказанном Войшелку в Литве, с наименьшей определенностью, как мы видели, говорит в последней части Ипатьевской летописи его младший современник — галицко-волынский летописец.

С другой стороны, естественно думать, что единодушные литовцев в отношении кандидатуры Войшелка было все же относительным. Среди литовской и жемайтской аристократии было немало противников Миндовга, они не могли превратиться в друзей его сына. По свидетельству летописей, Войшелку пришлось вести с ними жестокую и решительную борьбу.

Великим князем литовским Войшелк был с 1264 по 1267 г. Власть его признавали над собой и русские князья, зависимые от Литвы, — полоцкй и витебскй⁶⁵.

Войшелк продолжал политику своего отца по объединению Литвы и укреплению великокняжеской власти, вел борьбу с непокорными но-

блями, опираясь на служилый люд, в пользу которого осуществлялось им перераспределение земельной собственности⁶⁶.

Год вступления Войшелка на литовский великокняжеский престол совпал с годом смерти Даниила галицкого (1264 г.). Великим князем галицким стал Шварн, верный друг Войшелка, княживший до этого в Дорогичине. Как могло случиться, что этот титул, вызывая зависть у старших братьев, получил самый младший из детей Даниила? Можно думать, что это произошло по воле Даниилова брата — владимир-волинского князя Василька, который, сам отказавшись от претензий на великокняжеский престол, способствовал передаче его своему любимому племяннику.

Сложилась обстановка, чрезвычайно благоприятная для Войшелка и для реализации его великих планов. Во главе двух государств — Литовского и Галицкого оказались два великих князя, соединенных узами взаимопонимания и искренней дружбы. Какие широкие перспективы открывались для литовско-русского союза!

Остановимся на личности Шварна. Любопытно, что летописи западных редакций нигде не называют Шварна «Даниловичем» и считают его не сыном Даниила Галицкого, а племянником, «сестренцем». И для польского историка XV в. Яна Длугоша он тоже *peros ex sorore Danielis*⁶⁷. Конечно, это не даст нам права ставить под сомнение перечень сыновей Даниила в Ипатьевской летописи, в числе которых на последнем месте стоит Шварн⁶⁸. Галицко-волинскому летописцу XIII в. родословная галицких князей должна была быть лучше известна, чем более поздним хронистам. И все же нельзя не заметить в том, что касается osoby Шварна, чего-то такого, что как бы отгораживает его от прочих детей Даниила. Уже самое имя Шварн диссоциирует с греческими и русскими именами его старших братьев: Ираклий, Лев, Роман, Мстислав. Шварн очень расположен к Литве, дружен с Миндовгом и его сыном Войшелком, женат на дочери Миндовга. Он охотно предпринимает набеги на Польшу и собственноручно убивает мечом Земовита Мазовецкого. По своим симпатиям и политической ориентации Шварн — прямая противоположность Льву Даниловичу. У того явное тяготение к Западу. Это последнее в какой-то мере относится и к Даниилу Романовичу, который хотя и объединялся иногда с Литвой против Польши⁶⁹, все же был более склонен дружить с Польшей и Венгрией, чем с Литвой. Со временем Даниил становится открытым врагом Войшелка. Еще в большей мере это относится к его сыну Льву. Несмотря на то, что Войшелк был крестным отцом его сына Юрия, Лев не участник дружбы, объединявшей Войшелка, Шварна и брата Даниила — Василька. Женат был Лев на дочери венгерского короля Бела IV — Констанции. На другой дочери того же Бела — Кунегунде был женат польский король Болеслав Стыдливый. Шварн был далек от каких-либо связей с Западом, симпатии его были явно обращены к Литве. Более поздние сравнительно с Ипатьевской летописью хроники, конечно, ошибаются, когда исключают Шварна из числа детей Даниила и считают его лишь племянником последнего. Но в чем корень этой упорно повторяющейся ошибки? Почему хронисты не хотят видеть в Шварне родного брата старших детей Даниила? Ипатьевская летопись, перечисляя сыновей Даниила, упоминает только его первую жену — Анну Мстиславовну, от которой родились у него «сыновы и дщери», и ничего не говорит, какое потомство было у него от второй

жены — литовки, сестры Товтивила. Не был ли Шварн сыном этой литовской княжны? Признав его ее сыном, мы легко объяснили бы многое и в линии его поведения, и в отношении к нему других лиц и нашли бы наиболее вероятное объяснение и для самой ошибки хронистов.

О прочных контактах, установившихся между обоими великими князьями — литовским Войшелком и галицким Шварном — сразу после прихода их к власти, и о большой поддержке, которую оказывали Войшелку Шварн и его дядя Василько, ставший для Войшелка как бы вторым отцом, со всей определенностью говорится в Ипатьевской летописи: «Княжашу же Воишелькови в Литвѣ и поча ему помогати Шварно князь и Василько, нарекли бо бяшеть Василка отца себѣ и господина... Посем же Шварно поиде в помощь Воишелкови, а Василько князь от себѣ посла ему помочь всю свою рать. Воишелк же нарекл (и) бяшеть Василка аки отца себѣ и господина. И приде (же) Шварно с помочью в Литву к Воишеволкови и видѣв Воишеволкъ помочь Шварнову и Василкову отца своего и рад бысть велми»⁷⁰. Опираясь на эту помощь, Войшелк покончил с внутренней оппозицией и стал предпринимать походы на Польшу.

Время княжения Войшелка в Литве было особенно благоприятным для распространения там Православия.

Летописи согласны в том, что Войшелк и на великокняжеском престоле Литвы оставался православным монахом. Свое пребывание вне стен монастыря он считал положением временным, вызванным необходимостью оказать в критический момент помощь родной земле. В Новгородской Первой летописи говорится, что Войшелк дал Богу обет вернуться в монастырь через три года и что, будучи князем, он продолжал соблюдать монашеский устав⁷¹. По словам «Кройники», и на княжеском престоле Войшелк «трвал (пребывал) набожне в законѣ чернцем, бо завше (всегда) на княжих сукнях (одеждах) свѣтло-дорогих на головѣ зверху клобук чорный носил»⁷². О том же почти в тех же словах говорится и в хронике М. Стрыйковского⁷³.

Ревностный православный монах, Войшелк не мог не заботиться об утверждении и распространении Православия в Литве. К сожалению, мы знаем мало конкретного о его деятельности в этом направлении в течение его трехлетнего пребывания на великокняжеском престоле. Польский историк Литвы С. Зайончковский лишь в общих словах отмечает усердие Войшелка в распространении христианства в это время⁷⁴. Нечто более конкретное на эту тему пытается сказать Т. Нарбутт, ссылаясь (без уточнения первоисточника) на известие о том, что в 1265 г. Войшелк сносился с новгородским князем Святославом Ярославичем по вопросу присылки в Литву из Пскова священников, знакомых с литовским языком⁷⁵. Вслед за Т. Нарбуттом это известие повторяет Ю. Ярошевич⁷⁶, а вслед за Ю. Ярошевичем — М. Смирнов⁷⁷. В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» (т. V) говорит, что Войшелк, придя к власти в Литве, «многих крести и церкви и монастыри воздвиже». Напрашивается вопрос: предпринимались ли какие-либо попытки перевода православных богослужебных текстов на литовский язык? Этого естественно было бы ожидать, но в этом приходится сомневаться. Нам о таких попытках решительно ничего неизвестно. Едва ли необходимость таких переводов была в то время должным образом учтена.

О миссионерской деятельности православных в Литве и о самом процессе распространения Православия в этой стране во весь доягайловский период ее истории мы располагаем лишь самыми скудными сведениями. Надо думать, что процесс этот протекал малоприметным образом.

Гораздо приметнее результаты этого процесса. Православие Войшелка — факт, может быть, наиболее яркий, наиболее примечательный в этом процессе, но отнюдь не обособленный.

В доягайловский период истории Литвы христианские влияния шли сюда с двух сторон: с северо-запада, со стороны католического немецкого монашеского военизированного ордена крестоносцев, ставившего римско-католическое миссионерство своей главной задачей, и со стороны православных русских земель. Интенсивная деятельность немецких миссионеров в Прибалтике, сопровождавшаяся военной агрессией, началась в XIII в., незадолго до прихода к власти Миндовга. Контакты с Русью, тоже не всегда мирные и дружественные, к этому времени имели уже длительную историю. Войны у языческой Литвы были и с католическими, и с православными соседями. Но роль религиозного мотива в этих войнах была разная. Различны были и сами способы распространения христианства, применявшиеся западной и восточной сторонами.

Польский историк Литвы Юзеф Ярошевич дает такую сравнительную характеристику двум процессам христианизации, объектом которых была древняя Литва: «Известно, как мало отвечало своим целям вооруженное миссионерство крестоносцев. Силой навязанная религия, а вместе с ней чужое господство, не ослабили язычество литовцев, наоборот, придали ему больше силы и упорства в сопротивлении. Напротив, слова Евангелия, распространявшиеся мирным путем, находили более легкий доступ. Русь первая стала направлять в Литву проповедников учения Христова, проникнутых таким духом. И в самом деле, христианство восточного исповедания с самого начала делало здесь значительные успехи»⁷⁸.

Более поздний польско-католический историк Казимеж Ходыницкий, не расположенный к Православию и упрекающий Русскую Церковь в неспособности к такой миссионерской деятельности, какую развивали немецкие рыцари-крестоносцы, косвенно признает крах этой деятельности, когда говорит: «После падения Миндовга исчезает совершенно на долгое время христианство, проникавшее в Литву с Запада, зато сильнее проявляются восточные влияния»⁷⁹. «Самым убедительным доказательством распространения православия в Литве,— пишет тот же Ходыницкий,— являются репрессивные меры, применявшиеся самим Ягеллой при введении христианства. На главное сопротивление он натолкнулся не столько со стороны язычников, сколько со стороны бояр, державшихся русского обряда, против них он расходует свою энергию, применяя средства как законодательного порядка, так и физического насилия»⁸⁰.

Судя по археологическим находкам, вплоть до XIII в. нателные крестики (четырехконечные равносостронние) импортировались в Литву из Киевской Руси⁸¹.

Но, пожалуй, наиболее убедительным свидетельством глубокого проникновения Православия в среду литовского народа задолго до Ягайлы и Ядвиги является язык этого народа.

Польская лингвистка Н. Боровская отмечает в литовской церковной терминологии две одновременные группы заимствований из славянских языков — русскую и польскую. Заимствования из русского языка — результат проникновения в Литву Православия, — по справедливому утверждению Н. Боровской, — намного древнее польской группы. Религиозные термины польского происхождения стали появляться в литовском языке только после перехода Ягайлы в римский католицизм, т. е. с конца XIV в.⁸² Начало появления в литовском языке религиозных терминов русского происхождения, по предположению крупного специалиста по истории Литвы профессора Генриха Ловмянского, следует отнести ко второй половине XII в. Примечательно, что в литовском языке не видно никаких следов религиозных влияний, исходивших от Ордена. Тот же профессор Г. Ловмянский объясняет это «национальной литовской самообороной против агрессии крестоносцев». «На этом фоне, — пишет Г. Ловмянский, — тем отчетливее обозначается совершенно иной характер литовско-русских культурных отношений в тот же исторический период»⁸³.

Восполним эти рассуждения несколькими примерами. Слово *knuga* (книга), конечно, не религиозный термин, но и оно пришло в Литву, несомненно, вместе с христианством, едва ли нужно уточнять, с каким.

Вербное воскресенье у литовцев по сей день называется *Verbi sekmadienis*, или просто *Verba*, хотя литовское название самого дерева ничего общего с этим словом не имеет. Источник и фон заимствования очевидны.

К группе современных литовских слов, имеющих православно-русское происхождение, лингвисты относят слова: *Velika* (Пасха), *Kalėdos* (Рождество Христово; белорусск.: каляда, коляды), *Krikštas* (Крещение), *krikštyno* (крестины), *kumas* (кум), *krikščionis* (христианин). По-видимому, сюда же надо отнести *gojas* (рай).

Любопытно, что некоторые из таких слов сохраняют сейчас в литовском языке свое древнее русское значение, которое они со временем утратили или несколько видоизменили у себя на родине.

К таким словам прежде всего относится слово *bažnusia* (церковь). Сейчас никто из русских не назовет христианского храма «божницей». Между тем, в глубокую старину так именно называли наши предки свои святыни. «Володимир понде к божниці к святому Спасу на вечернюю» (Ипатьевская летопись). «Приблизися к дверем божничным» (Житие блж. Андрея, Христа ради юродивого). «Исписаша божницу Антонову» (Новгородская Первая летопись). «А крест достонть цѣловати всѣм, кто лазить в божницу». «Принсесуть в божницу (кутью)». «Лѣзъ ли им в божниці быти?». «В божниці ставати» (Вопрошание Кириково).

То же самое касается литовских слов *gavėnia* (пост), *gavėti* (поститься). Сейчас у нас словом «говенье» обозначается подготовка к Причащению. В древней Руси значение этого слова было более узким и полностью совпадающим с его значением в современном литовском языке: «Пришедше в Петрово говенье» (Псковская летопись); «В лѣто 6910 во великое говение м-ца марта» (Супрасльская летопись). Такое же первоначальное значение этого слова в русском языке подтверждается производными от него «заговляться», «разговляться», имеющими прямое отношение только к посту.

Наличие еще и сейчас в литовском языке таких слов, после свыше трехсот лет интенсивных влияний на Литву польского Запада, говорит о том, что православные влияния в языческой Литве отнюдь не были чем-то поверхностным, эпизодическим, неглубоким.

Если мы обратимся к памятникам литовского языка XVI, XVII, XVIII вв. (к сожалению, более ранних нет), то найдем там значительное больше подтверждений вышесказанному. В литовской речи сохранились тогда еще такие слова, как Трайсе (Троица), Bloviešcius, Blovieščiai (Благовещение), Krikštai (праздник Крещения Господня), pravadaĩ (проводы, радоница), viera (вера), zokonas (закон), griechas (грех), griešnykas (грешник), nečestyvas (нечестивый), dūšia (душа), dūšiagubis (душегуб), kodyti (кадить), minychas (монах), mūčelnykas, mūčenykas (мученик), prysega, prysiega (присяга), prisiegoti (присягать), bažytis (божиться), swodba (свадьба), biesas (бес), gromata (грамота), dijakas (писец), nedėla (неделя и в смысле «воскресенье», и в смысле «седмица»). Семидневная неделя пришла в быт литовцев вместе с христианством. Вплоть до XVIII века дни недели у литовцев носили такие названия: paldienikas, utarnikas, sereda, cietviergas, petnicia, subota⁸⁴.

Все эти примеры ясно говорят о том, откуда шли в Литву в джугайловский период ее истории те христианские влияния, которые усваивались народом и глубоко проникали в его жизнь. А это все в сочетании с многими другими историческими данными убеждает нас в том, что православие Войшелка отнюдь не делало его чужим в среде своего народа.

Княжение Войшелка в Литве закончилось актом, рассчитанным на далеко идущие последствия для судеб Литвы, Галичины и всей Восточной Европы. Верный своему религиозному идеалу и политическим планам, Войшелк устраняется от власти, передает ее в Литве своему единомышленнику — великому князю галицкому Шварну, а сам опять удаляется в монастырь. Ипатьевская летопись говорит об этом: «Посем же Войшелк да княжение свое зятю своему Шварнови, а сам опять восхотѣ прияти мнискии чин. Шварно же моляшеться ему по велику, абы еще княжил с ним в Литвѣ, но Войшелк не хотяшеть, тако река: согрешил есмь много перед Богом и человекѣи, ты княжи, а земля тѣ опасена. Шварно же не може умолити его и тако нача княжити в Литвѣ, а Войшелк иде до Угровьска в монастырь ко святому Данилю и взя на ся чернѣчьскѣи порты и поча жити в монастырѣ, тако река: се ми зде близ мене сын мой Шварно и другини господин мой отец князь Василко, а тѣма ся ему утѣшивати»⁸⁵.

Повторяется, таким образом, все то, что уже имело место в прошлом при передаче новгородковского княжения Роману Даниловичу: добровольный отказ Войшелка от княжеской власти, передача ее галицкому князю и уход в монастырь. На этот раз результатом этого шага Войшелка было объединение Литвы с Галицкой Русью под властью общего великого князя. Казалось, сбылась заветная мечта Войшелка, ради осуществления которой он всегда готов был жертвовать узколичными интересами. Создавшееся теперь положение могло бы быть равнозначным персональной унии двух государств, если бы не раздоры в Галицко-Волынском княжестве после смерти Даниила, лишившие власть Шварна, как галицкого великого князя, реальной объединяющей силы.

Зная, какое значение придавал Войшелк галицко-литовскому союзу, можно не удивляться тому, что местом своего монашеского подвига, после отказа от литовского великого княжения в пользу Шварна, он избрал территорию тогдашней Галичины, а не монастырь на Немане, им самим основанный. Но почему на этот раз он предпочел Угровский монастырь Полонинскому? Мы не знаем местоположения Полонины. Очень быть может, что она входила во владения перемышльского князя Льва Даниловича или иного галицкого князя, не особенно расположенного к Войшелку. А Угровск находился сравнительно недалеко от Владимира-Волынского, где княжил нареченный отец Войшелка — Василько, и совсем близко от Холма — галицкой резиденции Шварна⁸⁶. В Угровске Шварн чувствовал себя вблизи друзей. Отсюда эти, полные доверия к ним и радостного спокойствия за себя, слова: «Се ми зде близ мене сын мой Шварно и другий господин мой отец князь Василько, а тѣма ся иму утѣшивати». Но и в Угровске Войшелк не забыл про Полонину и про своего первого руководителя в монашеской жизни. «Григорѣи же Полониньскыи, — говорится в Ипатьевской летописи, — и еще бѣше жив, наставник его. Воишелк же, вопрошав о животѣ его, рад бысть, посла по нь, река: господине отче, приѣди семо, он же приѣха к нему и настави его на путь чернецкий»⁸⁷.

Между тем, приближался момент трагического конца. На Светлой неделе, надо полагать, вскоре после того, как Войшелк поселился в монастыре в Угровске, состоялась, по инициативе Льва Даниловича, во Владимире встреча Льва, Василька и Войшелка. Об этой встрече и ее трагическом исходе рассказывает Ипатьевская летопись: «И в то время присла Лев к Василькови, тако река: хотѣл бых снятися с тобою, абы туто и Воишелк был. Василько же посла по Воишелка страстно недѣли, тако река: прислал ко мне Лев, абыхмося сняли, а не боися ничего же. Воишелк же боится Льва и не хотает ѣхати, но поѣха на Василькови рукѣ. И приѣха на святой недѣли в Володимѣрь и ста в монастырь святого Михаила Великого»⁸⁸. Некто Марколт-немчин, придворный покойного Даниила Романовича, устроил званый обед, на который были приглашены находившиеся во Владимире князья: Василько, Лев, Войшелк. Продолжаем по тексту той же Ипатьевской летописи: «И начаша обѣдати и пити и веселитися. Василько же, напився, поѣха домовъ спать, а Воишелк поѣха до монастыря, идеже стояше. И посемь Лев приѣха к нему в монастырь и поча молвити: куме, напимся (по чаши вина). И начаша пити. Дьявол же, исконѣи не хотя добра человѣческому роду, и вложи во сердце Львови убити Воишелка, завистью, оже бѣшетъ дал землю Литовскую брату его Шварнуви. И так бысть конец убитья его»⁸⁹. «Кройника» вслед за М. Стрыйковским рисует еще более яркую картину того, что произошло тогда в монастыре святого Михаила Великого: «Зараз ему (Воишелку) почал Лев выкидати на очи (ставить на вид) окрутенство (жестокость) отца его Мендога, которое чинил над землями русскими, же неслучше оторвал замков русских килькосъ собѣ. А затым з великою побудливостью слугам своим казал отскочити, а сам ему шаблею ростял голову, аже мозок з ней бризнул на стѣну, и покинул его в монастыру забитого». Подобная же участь, по рассказу М. Стрыйковского и «Кройники», постигла в тот день и литовскую свиту Войшелка⁹⁰.

В основном литовско-русские летописные рассказы о насильственной смерти Войшелка от руки Льва совпадают и между собой, и с

главным, наиболее достоверным, источником наших сведений о Войшелке — Ипатьевской летописью. Но в версии, представленной хроникой М. Стрыйковского и родственными ей летописями, имеются существенные, не подтверждаемые Ипатьевской летописью, подробности относительно мотивов убийства, которые мы никак не можем признать достоверными. Согласно этой версии, поводом или, если угодно, предлогом для устройства встречи во Владимире была острая необходимость мирного урегулирования пограничных вопросов, ввиду происшедшего тогда наступления Войшелка с большим литовско-жемайско-явтяжским войском на Вольты и его упорного стремления отнять у Льва Даниловича Владимир⁹¹. Такого наступления, после передачи Войшелком своего великого княжения в Литве великому князю галицкому, очевидно, не было и не могло быть. Отнимать Владимир у Льва Даниловича Войшелк не мог уже хотя бы по одному тому, что Владимир принадлежал не Льву, а Васильку — другу и покровителю Войшелка. А тогдашний перемышльский удел Льва вообще не граничил с территорией великого княжества Литовского. Остается лишь тот мотив убийства, который вытекает из ипатьевского повествования: личное недоброжелательное отношение Льва к Войшелку, усилившееся в связи с передачей им Литвы Шварну. Участие Шварна во владимирской встрече (версия М. Стрыйковского) также не находит себе подтверждения в Ипатьевской летописи и представляется сомнительным. Сама же встреча князей на Пасхе носила, по-видимому, праздничный характер и, вероятно, мотивировалась — лицемерно, конечно, — мирными будто намерениями Льва.

Убитый Войшелк был похоронен (по М. Стрыйковскому, с княжескими почестями) там же, во Владимире, в стольном городе его названного отца — Василька, в церкви того же Михайловского монастыря, где литовский князь-монах имел свое последнее пристанище. По «Кройнике» и М. Стрыйковскому, Василько и Шварн с чувством глубокой жалости к Войшелку переживали позорный, вероломный, совершённый «против праву всех народов» акт, лишивший жизни «так зачное (такое благородное) княжа»⁹².

Весть о смерти Войшелка пришла на его родину, и там люди оплакивали «жалосне замордованя великого князя своего Войселка Мендоговича»⁹³. Литовская легенда гласит, что князь Гермонт, сын Свинторога, мстя за смерть Войшелка набегами на владения Льва, сжег Луцк и Владимир⁹⁴. Гермонт — личность легендарная, и то, что ему приписывается, — легенда. Но и в легенде часто находят себе отражение подлинные чувства народа. Как бы то ни было, много лет спустя после убийства Войшелка Лев писал, будучи уже великим князем галицким, своему сыну Юрию: «Сыну мой Юрьи, не ходи сам с Литвою, убил я князя их Войшелка, любо восхотять месть створити»⁹⁵.

У М. Стрыйковского, там, где он отступает от своего литовского источника и дает собственную оценку событию, чувствуется что-то вроде восхищения ловким маневром (*chytrym fortelem*) Льва Даниловича. Подобное чувство он хочет приписать и русским подданным Льва: «А Лев Данилович, убив Войселка, большую славу и любовь приобрел себе у своих русинов»⁹⁶. Последняя фраза встречается и в некоторых русских рукописях, текстуально зависящих от М. Стрыйковского⁹⁷. В среде русских только недалёковидные единомышленники Льва могли радоваться происшедшему. Своим поступком Лев подорвал осно-

вы литовско-галицкой дружбы и нанес непоправимый ущерб обоим государствам.

Великий князь литовский и одновременно галицкий Шварн не надолго пережил своего друга. «Княжащо же по Воишелкови Шварнови в Литовской земли, княжив же лѣт немного и тако преставися». Произошло это около 1270 г. Похоронен был Шварн в Холме «во церкви святой Богородицы близ гроба отня». С его смертью прекратился союз двух государств. Великим князем галицким стал Лев Данилович, великим князем литовским — Тройден. Четыре брата Тройдена были православными, но сам он все время оставался язычником⁹⁸. Союзные отношения между двумя государствами сменились враждой.

Н. М. Карамзин справедливо осудил Льва Даниловича, главного виновника расторжения этого союза, за то, что тот, движимый властолюбием, не подумал надлежащим образом о пользе отечества и помешал объединению Литовского и Галицкого княжеств в одну державу, будучи не в силах «снести равнодушно, что сильное княжество литовское досталось не ему, а Шварну»⁹⁹.

Дело, над которым трудился Войшелк, потерпело крах. Объединение Литвы и подчиненной уже ей Черной Руси с Русью Червонной в единое государство с преобладающим в нем православным населением не осуществилось из-за ограниченности и недальновидности Льва. Дальнейшая история показала, что на этом выиграла католическая Польша. Первой утратила политическую самостоятельность и стала подвергаться западным религиозным, денационализирующим, влияниям Галицкая Русь. Потом пришла очередь Литвы и подчиненных ей русских земель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Т. Пашуго. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 37, 38, 42.

² Это относится ко всем литовским «хроникам» и «летописцам», опубликованным в 35-м томе «Полного собрания русских летописей». М., 1980.

³ Рукопись Археологического общества (XVI—XVII в.), ПСРЛ, т. 35, с. 92. Такая же приписка в других однотипных рукописях (там же, с. 149, 176, 197).

⁴ Хроника Быховца. Предисловие, комментарий и перевод Н. Н. Улащика. М., 1966, с. 27—28. По словам Н. Н. Улащика, автор хроники «подчеркнуто симпатизирует тем из литовских князей, которые приняли православие», вместе с тем «он всегда подчеркивает величие Литовского государства» (там же, с. 28).

⁵ Т. Narbutt. Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846. ПСРЛ, т. 17, М., 1907; ПСРЛ, т. 32, М., 1975.

⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 858.

⁷ ПСРЛ, т. 32, с. 133.

⁸ «Кройника Литовская и Жмойтская» опубликована в 32-м томе ПСРЛ.

⁹ ПСРЛ, т. 32, с. 213.

¹⁰ Н. Н. Улащик. Литовская и Жмойтская кройника и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского. «Славяне и Русь», М., 1968, с. 360.

¹¹ Która przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi... Macieja Qsostewiciusa Strijkowskiego... w Krolewcu, 1582.

¹² Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi Macieja Strijkowskiego. Tom 1. Warszawa, 1846 (перепечатка с издания 1582 г.), с. 288, 297.

¹³ Там же, с. 301.

¹⁴ Можно думать, что к этому же источнику через того же М. Стрыйковского восходит имеющийся в «Кройнике», полный симпатии к литовскому князю Константину Корнятовичу, рассказ о том, как этот внук Гедимина, приглашенный «вальным» сеймом в Кракове на польский королевский трон, не пожелал изменить своей «грецкой» вере «для дочасного панства» (ради временного царства) и пренебрег предложенной ему короной (ПСРЛ, т. 32, с. 45; М. Стрыйковский. Цит. соч., т. 2, с. 18).

¹⁵ Livländische Reimchronik. Paderborn, 1876, стихи 7133—8008.

- ¹⁶ *T. Narbutt. Dsieje starożytne narodu Litewskiego. Wilno, 1838, t. 3, s. 609.*
- ¹⁷ ПСРЛ, т. 32, с. 26 и 209.
- ¹⁸ *М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 297; ПСРЛ, т. 32, с. 27.*
- ¹⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 860.
- ²⁰ *T. Narbutt. Цит. соч., т. 4, с. 181.* Неизвестно, на чем основывается В. Н. Татищев (1686—1750), считающий матерью «Вошлега» пекую «княжну тверскую» (*В. Н. Татищев. История Российская, т. V. Л., 1965, с. 45*).
- ²¹ *В. Т. Пауто. Цит. соч., с. 380.*
- ²² ПСРЛ, т. 2, стб. 830.
- ²³ Там же, стб. 859.
- ²⁴ *T. Narbutt. Цит. соч., т. 4, с. 181.*
- ²⁵ Там же, т. 3, с. 609.
- ²⁶ *J. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji. Wilno, 1844, ч. 1, с. 167,* примеч. 1.
- ²⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 858.
- ²⁸ *М. Стрыйковский. Цит. соч., т. I, с. 297.*
- ²⁹ ПСРЛ, т. 32, с. 27.
- ³⁰ *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. T. I. Romae. Typis vaticanis. 1860,* р. 60.
- ³¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 817.
- ³² *Vetera monumenta... р. 193.*
- ³³ *В. Т. Пауто. Цит. соч., с. 406, примеч. 43.*
- ³⁴ Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1950, с. 84; также см. ПСРЛ, т. 7, СПб., 1856, с. 253; ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стб. 593, 601 и подстрочные примечания там же.
- ³⁵ *Annales sen Cronicae... venerabilis domini Joannis Dlugossii canonici Cracoviensis. Varsoviae, 1975. Liber VII, p. 144; Polonicae Historiae corporis tomus II. Basileae, 1582, р. 106; Marcin Kromer, biskup Warmiński. Kronika polska. Sanok, 1857, s. 475.*
- ³⁶ *T. Narbutt. Цит. соч., т. 4, с. 181—182.* Там же, на с. 184, в примечании: «русское имя Роман, или Ровбалд, т. е. Ромуальд». Из того же сочинения Т. Нарбутта (с. 168) видно, что он непонятным образом путает Войшелка с его преемником по Новгородскому княжению — Романом (Даниловичем) и считает их одним и тем же лицом.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 831.
- ³⁹ *T. Narbutt. Цит. соч., т. 4, с. 203.*
- ⁴⁰ ПСРЛ, т. 32, с. 28; *М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 298.* Александр Невский и Товтивил были женаты на двух дочерях Брячислава Полоцкого (*М. von Taube. Russische und litauische Fürsten an der Düna... "Jahrbücher für Kultur in Geschichte der Slawen". Bd. XI, 1935, S. 405, 407*). Таким образом, Александр Невский состоял с Войшелком в родственных отношениях, хотя и не очень близких.
- ⁴¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 859.
- ⁴² См. Словарь географических названий Украинской ССР, т. III, 1976.
- ⁴³ *Лев Чачковский, д-р Ярослав Хмилевский. Княжий Галич. Станиславів, 1938.*
- ⁴⁴ См. об этом: *Е. Голубинский. История Русской Церкви. Т. I, ч. 2. М., 1904,* с. 601.
- ⁴⁵ Летопись Археологического общества. ПСРЛ, т. 35, с. 94. О том же см.: в хронике М. Стрыйковского (его цит. соч., с. 327—328), в хронике Быховца (ПСРЛ, т. 32, с. 135), в «Кройнике Литовской и Жмойтской» (там же, с. 31), в летописях: Рачинского (ПСРЛ, т. 35, с. 149, 150, 151, 176), Румянцевской (там же, с. 197, 198), Евреинновской (там же, с. 219), польской Ольшевской (там же, с. 176, 178) и др.
- ⁴⁶ *М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 247.*
- ⁴⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 859.
- ⁴⁸ *A. Koialowicz. Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in magno Litvaniae Ducatu pertinentium. (Вильна), 1650, р. 8.*
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *J. Stebelski. Dwa wielkie swiatła na horyzoncie Polockim... Wilno, 1781, s. 173.* И. Стебельский решительно также не допускает мысли, чтобы Елисей мог быть сыном Тройдена.
- ⁵¹ *J. Jaroszewicz. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji... Wilno, 1844, 1, с. 167,* примеч. 1.
- ⁵² *М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 298.*
- ⁵³ *A. Koialowicz. Цит. соч., с. 36.*
- ⁵⁴ Принадлежавшее Лаврашеву монастырю пергаменное Евангелие начала XIV в. хранится сейчас в Кракове, в библиотеке Чарторийских (*Я. Н. Шапов. Материалы по*

истории народов СССР в Польской Народной Республике, «История СССР», 1971, № 5, с. 235). На его страницах имеются отражающие местную топографию (упоминаются Березовец, Негневичи) записи вкладов, пожалованных Лаврашеву монастырю в XIV—XV вв. (А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 124—126).

- ⁵⁵ «Минские епархиальные ведомости», 1913, №№ 17 и 24.
- ⁵⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 840.
- ⁵⁷ В. Т. Пауто. Цит. соч., с. 381.
- ⁵⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 860.
- ⁵⁹ М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 299; ПСРЛ, т. 32, с. 28.
- ⁶⁰ ПСРЛ, т. 32, с. 28.
- ⁶¹ М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 299.
- ⁶² ПСРЛ, т. 32, с. 28.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ ПСРЛ, т. 32, с. 29. Восклициание «ладо!» встречалось когда-то в фольклоре литовском. У Т. Нарбутта записана песенка "Lado, Iado, saule" (Т. Narbutt. Цит. соч., т. 1, с. 304).
- ⁶⁵ В. Т. Пауто. Цит. соч., с. 150.
- ⁶⁶ Там же, с. 384.
- ⁶⁷ Я. Длугош. Цит. соч., с. 135.
- ⁶⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 732.
- ⁶⁹ Там же, стб. 736.
- ⁷⁰ Там же, стб. 862—863.
- ⁷¹ Новгородская Первая летопись, с. 84. О том же — в ряде других рукописей: ПСРЛ, т. 17, стб. 601.
- ⁷² ПСРЛ, т. 32, с. 29.
- ⁷³ М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 301.
- ⁷⁴ St. Zajaczkowski. Dzieje Litwy pogańskiej do 1386 r. Lwow, 1930, s. 26.
- ⁷⁵ T. Narbutt. Цит. соч., т. 4, с. 230.
- ⁷⁶ J. Jaroszewicz. Цит. соч., ч. II, с. 3.
- ⁷⁷ М. Смирнов. Ягелло-Яков-Владислав... Ч. I. Одесса, 1868, с. 151 и примеч. 235.
- ⁷⁸ J. Jaroszewicz. Цит. соч., ч. II, с. 2.
- ⁷⁹ K. Chodynicki. Próby zaprowadzenia chrześcijaństwa na Litwie przed r. 1386. "Przegląd historyczny", 1914, t. XVIII, zesz. 3, s. 249—250.
- ⁸⁰ Там же, с. 316.
- ⁸¹ O. Nawickaitė-Kuncienė. Senosios Rusios importas X—XIII anžiu Lietuvoje. "Lietuvos TSR Mokslų Akadem. darbai". Serija A. 1 (16), 1964, c. 119—134.
- ⁸² N. Borowska. Wpływy słowiańskie na litewską terminologię kościelną na podstawie Dictionary Szurywida. "Studia z filologii polskiej i słowiańskiej", 1952, 2, s. 354.
- ⁸³ H. Łowmiański. Uwagi o wpływach słowiańskich na litewską terminologię kościelną. Тот же журнал, с. 370.
- ⁸⁴ Примеры эти частично взяты из словаря, составленного в начале XVII в. неузнанном Константином Ширвидом (Dictionarium trium linguarum) и перепечатанного фотоптически в Вильнюсе в 1979 году (K. Sirvidas. Pirmasis lietuvių kalbos zodynas), а главным образом из основанного на изучении древнейших памятников литовской письменности труда Пранаса Скарджиуса (P. Skardžius): Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931.
- ⁸⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 867.
- ⁸⁶ В Угровске находилась одна из древнейших русских епископских кафедр до перенесения ее Даниилом Романовичем в Холм. Сейчас Uhrowsk — малоприметная железнодорожная станция в Польше, между Холмом и Влодавой.
- ⁸⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 867—868.
- ⁸⁸ Там же, стб. 868.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же, т. 32, с. 30.
- ⁹¹ М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 304—305; ПСРЛ, т. 32, с. 29 и 210.
- ⁹² ПСРЛ, т. 32, с. 30; М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 306.
- ⁹³ Кройника Литовская и Жмойтская. ПСРЛ, т. 32, с. 30.
- ⁹⁴ М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 307.
- ⁹⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 891.
- ⁹⁶ М. Стрыйковский. Цит. соч., с. 305—306.
- ⁹⁷ ПСРЛ, т. 32, с. 210.
- ⁹⁸ ПСРЛ, т. 2, стб. 869.
- ⁹⁹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Т. IV. СПб., с. 114.